

К ВОПРОСУ ТИПОЛОГИИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ДИСКУРСОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ.

Микитинец А.Ю.

г. Симферополь. Украина

Проблема упорядочения философских учений о человеке относится к предмету относительно новой философской дисциплины – *метаантропологии*, занимающейся вопросами, выходящими за пределы конкретных исследований. Попытки типологизации антропологических дискурсов совершались различными авторами, самыми яркими из которых, на наш взгляд, являются В.Брюнинг и М.Шелер. Первый, опираясь на типологию ранее разработанную В.Дильтеем и Э.Ротхакером, попытался классифицировать всю философскую антропологию и, исходя из важнейших её основных типов, проследить последние в историческом развитии, при этом системно их разграничивая. Автор выделил четыре типа философско-антропологических дискурсов: *традиционный* (в котором человек «привязан» к объективным порядкам), *индивидуалистский* или *персоналистский* (где акцентируются субъективные факторы человеческого), *иррационалистский* (в котором наблюдается тенденция к разрушению объективных структур и порядков) и *прагматистский* (где эти структуры и порядки человек создает в результате своей активности). Нельзя не согласиться с необходимостью принимать во внимание те разнообразные опасности, которыми чреват типологический метод, в связи с чем философ подчеркивает, что такая классификация ни в коем случае не может быть ограниченной раз и навсегда, окончательной. По мнению В.Брюнинга, ее типы – это не какие-то жесткие и неизменные формы. Наоборот, с их помощью он пытается вычленил только важнейшие тенденции в различных исследованиях: "...типология – это всегда лишь временный, предварительный путь, цель которого, собственно, и состоит в том, чтобы построить классификацию различных возможных интерпретаций философии так, чтобы она отражала ее существенные проблемы и ее внутреннее единство"[1, с.211].

М.Шелер предложил собственное видение эволюции антропологического образа в истории, и пришел к выводу, что существуют пять "основных типов самопонимания человека", используя которые возможно максимально четко обрисовать идейные направления в понимании его сущности, доминирующие в западноевропейской культуре. Свою типологизацию М.Шелер основывает на отношении к истории: "...к каждому из них по смысловым законам однозначно примыкает совершенно определенный род истории, т.е. принципиального воззрения на человеческую историю" [2]. Если быть более точным, то, по М.Шелеру, дело обстоит совсем наоборот – скорее в основе всех воззрений на историю лежат принципиально различные идеи о сущности, структуре и происхождении человека, т.е. каждая историческая концепция у него основывается на определенном рода антропологии. Таковыми "идеальными типами", по мнению немецкого философа, являются: *христианско-иудейский* (основан на идее "грехопадения" человека); *антично-рациональный* (выводится из отличия "homo sapiens" от животного, и, вытекающий из первой идеи сравнения Бога и человека); *позитивистско-прагматистский* (идея "homo faber" – уравнивающая человека и животное); *декадансный* (идея человека как "тупика жизни", как её "болезни"), и обратный последнему *сверхчеловеческий* или даже *сверхбожественный* (идея предельно допустимого повышения ответственности и суверенитета.).

В отечественной философской традиции также проводились подобные исследования по типологизации современной западной философской антропологии, где были выделены: *субъективистская антропология*; *объективистские* и *сциентистские* учения о человеке; *синтезирующие* концепции человека и *религиозные* учения о человеке [см.3]. Можно также отметить, в этой связи, довольно простую, но интересную идею, высказанную Б.В.Марковым, утверждающим, в частности, что: "Западная антропология может быть образно охарактеризована как аранжировка двух основных мелодий: человека характеризует способность к языку (говорящее существо – *zoon logon echon*) и способность к общественной жизни (политическое существо – *phyei politikon zoon*)" [4,с.16].

Изложенный выше, далеко не полный перечень типологий антропологических дискурсов показывает ту сложность, с которой сталкивается исследователь, посягнувший на то, чтобы охватить весь спектр антропологических образов единой картиной. Тем не менее, мы видим подобное основание для типологии в понятии "*граница*" (понимаемое нами как наличие альтернативной, "иной" точки отсчета в постановке проблемы человека), в связи с чем, мы предлагаем следующую градацию: *пред-границная* (например, маргинальная, интервальная, диалогическая и другие – так или иначе устремленные к поиску неких границ), *пограничная* (экзистенциализм с его идеей "пограничных ситуаций" и т.п. - здесь идея получения искомого смысла непосредственно при "встрече") и *пост-границная* (ницшеанская, а в последствии постмодернистская и т.п. – идея выхода за любые потенциально возможные пределы) антропологии. Данные типы мы выводим из "эпистемологического расстояния" человека от "другого" как некоего познавательного коррелята, (причем под последним можно понимать от "другого" человека до "другой" культуры). Главенствующей здесь будет идея даже не столько дистанции до "иного", сколько устремленности к "нему" либо от "него".

Подводя итоги, отметим, что предложенная нами типология призвана показать эвристические возможности, появляющиеся при постановке подобной проблемы, а также она может быть использована, для более глубокого понимания, в первую очередь, современных направлений философской антропологии.

Источники и литература

1. Брюнинг В. Философская антропология. Исторические предпосылки и современное состояние//Западная философия: итоги тысячелетия.-Екатеринбург.: Деловая книга, 1997.-С.209-410.
2. Шелер М. Человек и история. <http://www.anthropolog.ru/doc/library/Cheler/Sheler>

3. Буржуазная философская антропология. - М.: Наука, 1986.
4. Марков Б.В. Философская антропология: очерки истории и теории // СПб.: Лань, 1997.

КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРЫ КАК «ТЕКСТА В ТЕКСТЕ» Ю.М. ЛОТМАНА.

Микитинец О.И.

г. Симферополь. Украина

В данной публикации мы рассмотрим несколько работ Ю.М. Лотмана, в которых его внимание направлено на текст. Текст рассматривается Ю.М. Лотманом не как обособленное, автономное явление, а как звено в цепочке семиосфера – культура – тексты. Хотелось бы обратить внимание на то, что в отношении текста им применяется в основном структурно-семиотический подход, и что в описании доминирует в основном художественный текст. В более поздних работах («Внутри мыслящих миров») при описании культуры Ю.М. Лотман выходит за рамки описания художественного текста, обращаясь к тексту вообще, и приходит к более широкому его пониманию. Итак, текст понимается Ю.М. Лотманом неоднозначно. С одной стороны, рассматривая язык, Лотман говорит о том, что язык предшествует тексту, текст порождается языком. Это структуралистский подход и данное понимание текста достаточно узко, мы можем говорить только о протяженности текста в естественном времени [см. 1]. С другой стороны, текст определяется Ю.М. Лотманом как «отграниченное, замкнутое в себе конечное образование. Одним из основных его признаков является наличие специфической имманентной структуры, что влечет за собой высокую значимость категории границы ("начала", "конца", "рампы", "рамы", "пьедестала", "кулис" и т.п.)» [1, с.149]. В этом случае в тексте есть свое «особое внутреннее время», и, по словам Лотмана, отношение времен (естественного и внутреннего) порождает разнообразные смыслы. Такой текст – это текст культуры.

Практически все авторы, так или иначе обращающиеся к проблеме философского осмысления текста, уделяют внимание истории, культуре, языку, смыслу, диалогу, всегда присутствующим в тексте и образующим его пространство. К определению культуры Ю.М. Лотман приходит через понятие семиосферы, понимаемое как присущее данной культуре семиотическое пространство.

Специфика структурного подхода Ю.М. Лотмана к тексту заключается в следующем. Вслед за Ф. де Соссюром он указал на то, что исходной точкой любой семиотической системы является отношение как минимум двух знаков в бинарной синтагме. Однако у Ю.М. Лотмана бинарная структура носит динамический характер, в отличие от застывшей синхронической структуры Ф. де Соссюра.

Итак, текст, изначально имеющий свое внутреннее время, отличное от естественного, порождает смыслы (а, следовательно, и новые контексты и тексты), а знаки, присутствующие в тексте (семиотической системе), образуют пространство. Но это только одно из проявлений пространственно-временных измерений текста. Культуру Лотман описывает также как знаковую систему (делая акцент на знаковости как одной из основных ее характеристик) и приходит к тому, что культура есть сложно устроенный текст: «Культура в целом может рассматриваться как ТЕКСТ. Однако исключительно важно подчеркнуть, что это сложно устроенный ТЕКСТ, распадающийся на иерархию "ТЕКСТОВ в ТЕКСТАХ" и образующий сложные переплетения ТЕКСТОВ». [2, стр.571].

Порождение смыслов текста происходит при пересечении смысловых пространств (различных текстов в тексте), которое, в свою очередь, всегда связано либо с индивидуальным, либо с коллективным сознанием. В тексте всегда присутствуют автор и читатель (потенциальная аудитория). Отношения текста и читателя Лотман описал следующим образом: «Взаимоотношения текста и аудитории характеризуются взаимной активностью: текст стремится уподобить аудиторию себе, навязать ей свою систему кодов, аудитория отвечает ему тем же. Текст как бы включает в себя образ «своей» идеальной аудитории, аудитория – «своего» текста». [3, с.203]

Еще одно понятие, необходимое для описания пространства – это понятие границы. Текст культуры, по Лотману, создает пространственный образ мира, находящийся на границе между реальностью природы и человеком. Человек видит мир через этот образ, и старается перестроить его, в то же время образ изменяет и перестраивает самого человека. Выстраиваются отношения, аналогичные отношениям текста и читателя. «Функция любой границы и пленки ... сводится к ограничению проникновения, фильтрации и адаптирующей переработке внешнего во внутреннее» [там же, с. 265]. Граница не только отделяет текстовые пространства друг от друга, но и разделяет текст изнутри, способствуя постоянному порождению новых смыслов, диалогу внутри текста и структуризации всего текстового пространства: «...все пространство семиосферы пересечено границами разных уровней, границами отдельных языков и даже текстов, причем внутреннее пространство каждой из этих субсемиосфер имеет некоторое свое семиотическое «я», реализуясь как отношение какого-либо языка, группы текстов, отдельного текста (при учете того, что языки и тексты располагаются иерархически на разных уровнях) к некоторому их описывающему метаструктурному пространству» [там же, с. 262].

Итак, пространственно-временные характеристики присутствуют и являются необходимыми как для текста в обычном его понимании, так и в культуре, понимаемой как сложный текст, состоящий из «текстов в тексте», и в семиосфере, представляющей все пространство культуры: «Одновременно, при всем различии субструктур семиосферы, они организованы в общей системе координат: на временной оси – прошедшее, настоящее, будущее, на пространственной – внутреннее пространство, внешнее и граница между ними. По этой системе координат перекодируется и внесемиотическая реальность – ее пространство и время – для то-